

ГУРЕВИЧ В. В.

МОДАЛЬНОСТЬ, ИСТИННОСТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ, РЕФЕРЕНЦИЯ

В статье представлена попытка интерпретировать явление фактивности—нефактивности предикатных выражений с точки зрения модальных характеристик частей сложного (многопредикатного) высказывания и рассмотреть некоторые особенности высказывания, обусловленные этими характеристиками.

1. Модальные статусы предикатов. В известной работе Кипарских [1] к фактивным отнесены образующие пресуппозицию придаточные части в предложениях типа *Я сожалею о том, что Петр уехал*: истинность утверждения *Петр уехал* сохраняется при введении отрицания в главную часть. Нефактивностью характеризуются придаточные в предложениях типа *Возможно, что Петр уехал*, не содержащие утверждения *Петр уехал*. Утвердительность есть модальная характеристика предикатного выражения; следовательно, рассматривая подобные примеры, мы исследуем модальные соотношения в сложном высказывании.

Представляется, что нефактивность возникает в тех предложениях, главная часть которых выражает некоторое модальное отношение к тому, что названо в придаточном (уверенность, сомнение, необходимость, желание и т. п.), вследствие чего придаточное представляет уже немодальную (диктальную) часть высказывания: в нем лишь названо событие, отношение к которому задано в главной части¹.

Достаточно очевидно, что в предложениях типа *Хочу, чтобы Петр уехал* форма наклонения в придаточном семантически «пуста»: событие «отъезд Петра» не представлено здесь ни как реальное, ни как нереальное, ни как возможное, предполагаемое и т. п. (в отличие от сослагательного в условной конструкции). Подчеркнем, однако, что семантически пуста и форма изъявительного наклонения в предложениях типа *Возможно (несомненно, не может быть), что Петр уехал*, поскольку в самом придаточном не утверждается (и не отрицается), что Петр уехал². С этим связана и возможная в некоторых случаях замена наклонений: ср.: *Маловероятно, что (чтобы) Петр уже уехал*.

Не имеет отдельной, собственной модальности и придаточное в предложениях типа *Иван сказал, что Петр уехал*, поскольку главная часть здесь также задает модальность для придаточного: *сказал* = *высказал утверждение* = *выразил уверенность в том, что...* Аналогичным образом в предложении (а) *В группе нет студентов, которые бы имели двойки* отрицание непосредственно охватывает лишь предикат в главной части, придаточное же представляет диктальную часть сообщения. Следует сно-

¹ Е. А. Гулыга [2] называет такие предложения мономодальными, Е. В. Падучева [3] говорит о «снятой утвердительности» придаточного в этих предложениях.

² Соответственно, в предложении с отрицанием *Возможно, что Петр не уехал* придаточное не содержит отрицательной модальности, так как в нем не утверждается, что Петр не уехал.

ва обратить внимание на несущественность различий в форме наклонения в подобных случаях: в предложении с изъявительным наклонением (б) *В группе есть студенты, которые имеют двойки* (при логическом ударе-нии на глаголе *быть*) придаточное также не имеет собственной модальности. Если предположить, что в (б) каждая часть содержит отдельную утвердительную модальность, то смысл его будет таков: «Утверждается, что в группе есть студенты»; «Утверждается, что они (т. е. все студенты группы) имеют двойки». Между тем в (б) утверждается не наличие в группе каких-либо студентов, а наличие таких студентов, которые имеют двойки. Придаточное здесь семантически неотделимо от главной части: субъект глагола *быть* выражен не одним подлежащим *студенты*, а всей конструкцией *студенты, которые...* Именно с этим и связана невозможность двух отдельных утверждений; ср. иное в предложении с присоединительными отношениями: *Я встретил прохожего, который и указал мне дорогу*, где содержится два самостоятельных утверждения.

Рассмотрим теперь особенности предикатов, при которых подчиненная им часть предложения всегда фактивна. В работе Кипарских к ним отнесены слова, обозначающие чувства (*сожалеть, возмущаться, беспокоиться*), эмоциональную оценку события (*забавно, трагично, странно*), акты сознания (*сознавать, забывать, принимать во внимание, игнорировать, иметь в виду*) и т. п. Нетрудно видеть, что все такие предикаты включают компонент «знание». Так, чувство всегда возникает не просто в результате некоторого события, а в результате знания о событии, являющемся для субъекта желательным или нежелательным [4]: сожаление есть чувство, вызванное знанием о том, что произошло нечто нежелательное (в отличие от радости и т. п.). Компонент «знание», в свою очередь, обуславливает фактивность придаточной части, поскольку он обозначает «достоверные сведения», т. е. представляет следующее далее сообщение о событии как истинное (с точки зрения говорящего) [5].

В отличие от этого, придаточное при глаголах ощущения, восприятия может быть как фактивным (*Я слышал, что он смеется*, где придаточное пресуппозитивно), так и нефактивным (*Я никогда не слышал, чтобы он смеялся*, где придаточное диктально, поскольку здесь не утверждается и не отрицается названное событие). Эта особенность связана с тем, что подобные предикаты не включают компонент «знание»: причинной ощущения является само воздействие, а не знание субъекта о таком воздействии.

Обратим также внимание на особенности модального статуса компонента «каузация», входящего в содержание понятий «ощущать», «чувствовать», «сознавать» и т. п.³: при любом употреблении данных предикатов этот компонент диктален. Так, предложение *Я не сожалею о том, что идет дождь* означает «(У меня) нет чувства сожаления, [которое было бы вызвано знанием о том], (что идет дождь)». Глагол *сожалеть* входит здесь в ассертивную часть высказывания, придаточное — в пресуппозицию (указывается круглыми скобками), каузативный же компонент стоит вне ассертивной части и вне пресуппозиции (диктальный статус указывается квадратными скобками). Логично заключить, что и в соответствующем утвердительном предложении каузативный компонент диктален: если бы он входил в пресуппозицию, истинность утверждения о наличии причинной связи сохранялась бы при отрицании; однако приведенное

³ Компонент «отражение внешнего мира», т. е. «реакция на внешнее воздействие», и, следовательно, каузация — несомненно входит в значение слов *понимать, сознавать*, которые, в свою очередь, включены в более сложные понятия «иметь в виду» (=«держать в сознании»), «забыть» (=«перестать держать в сознании») и т. п.

высказывание не означает, что отсутствие сожаления «вызвано знанием о дожде». Нет здесь и отрицания каузативного компонента, т. к. предложение не означает, что отсутствие сожаления «не вызвано знанием» или «вызвано незнанием».

Обратимся в виде пояснения к одному лингвистическому курьезу. В сказке В. Катаева «Цветик-семицветик» рассказывается о девочке, которая заблудилась и не уберегла купленные в магазине баранки, но приобрела волшебный цветок. Оторвав один лепесток, она загадывает желание «Хочу быть снова дома с баранками». С лингвистической точки зрения девочка совершает неосознанный обман: ей следовало оторвать два лепестка, т. к. ее высказывание содержит два желаемых события («быть дома» и «иметь баранки»). Волшебная сила такого обмана не замечает, но языковая система реагирует на два и более предиката в составе высказывания вполне однозначно: одна модальная рамка (любого типа) может охватить лишь один предикат. Если в семантической структуре нет хотя бы скрытого повторения модальности (типа *Хочу А и хочу В* или *Утверждается А и утверждается В*), то один из предикатов выходит из сферы действия модальности: он либо образует пресуппозицию, либо остается диктальным.

Учет различных модальных статусов предиката (ассертивного, пресуппозитивного, диктального) важен для решения ряда других лингвистических проблем, рассматриваемых ниже.

2. Модальность и некоторые проблемы глагольного вида. С учетом сказанного выше попытаемся объяснить, почему глаголы *слышать — услышать, видеть — увидеть, понимать — понять* и т. п. составляют чистовидовую пару, в отличие от глаголов *знать и узнать, спать и заснуть, болеть и заболеть* и т. п. Если бы видовые формы глаголов восприятия различались по отсутствию—наличию компонента «начало состояния» (как в последней группе), то они не были бы парными и глагол совершенного вида следовало бы относить к особому, начинательному способу действия. В том, что *слышать — услышать* действительно составляют видовую пару, убеждает тот факт, что в предложениях типа *И вдруг я слышу смех* несовершенный вид выражает значение начала состояния («вдруг услышал»), что невозможно для глаголов *знать, спать* и т. п.

Для уяснения особенностей данных глаголов важно иметь в виду, что в лексическое значение глаголов восприятия (независимо от видовой формы) входит каузативный компонент. Каузальная связь означает, что событие—следствие наступило (= возникло, начало существовать) после события—причины; таким образом, каузация обязательно включает «начинаемость». Однако следует еще учитывать модальный статус компонентов, составляющих начинательное значение. Предложение *Работа началась в 8 часов* означает «В 8 был процесс работы (которого не было ранее)». Компонент «не было ранее» в значении «начала» всегда стоит вне модальной рамки и обычно образует пресуппозицию. По-видимому, представление о начале события как раз и создается противопоставлением утверждения «есть в указанный момент» и пресуппозиции «не было ранее».

Рассмотрим теперь предложения с глаголами *слышать — услышать*, взяв для наглядности отрицательную форму. Предложение *Я не услышал его смеха* означает «(В указанный момент у меня) не было слухового ощущения (которое было бы вызвано тем) (что он смеялся, до этого названного ощущения также не было)». Здесь вне модальной рамки стоит каузативный компонент, а противопоставление ассертивной модальности («нет в указанный момент») и пресуппозитивной («не было ранее») создает зна-

чение «не возникло», т. е. начинательность. Предложение *Я не слышал его смея* означает «(В указанный момент у меня) не было слухового ощущения [которого бы не было ранее и которое было бы вызвано тем] (что он смеялся)». В этом случае диктальным оказывается не только каузативный компонент, но и компонент «не было ранее», т. е. часть начинательного значения. В связи с этим не возникает представления о начале состояния: здесь нет какого-либо сообщения (утверждения или отрицания) о том, каково было положение дел до указанного момента. Несмотря на различие в модальном статусе компонентов, сам компонентный состав лексического значения в обоих случаях одинаков: компоненты, составляющие значение «начала», не исчезают из глагольного значения при несовершенном виде, поскольку не исчезает каузация. Следует, впрочем, отметить несовершенство семантической записи, приводящее к избыточному повторению компонента «начало»: в принципе он включен уже в каузативную часть толкования («вызвано») и отдельно повторяться не должен (подробнее о роли модальности в описании видовой семантики см. [6]).

3. Модальность и истинностное значение высказывания. Истинность или ложность, как известно, характеризуют не событие, а утверждение о событии и выявляются при соотношении сообщения с действительностью. Следовательно, для того, чтобы высказывание обладало каким-либо истинностным значением, оно должно содержать утверждение (утвердительную или отрицательную модальность) и должна существовать хотя бы принципиальная возможность соотносить это утверждение с действительностью.

Из сказанного следует, что в высказывании с несколькими предикативными выражениями истинностным значением может обладать лишь то сообщение, которое охватывается утвердительной (отрицательной) модальностью. Диктальный предикат лишен требуемой модальной характеристики и не может быть охарактеризован в плане истинности—ложности. Так, в предложениях *Я сомневался в том, что Петр уехал* или *Я никогда не слышал, чтобы он смеялся* придаточные содержат сообщения, которые сами по себе не являются ни истинными, ни ложными.

Пресуппозиция всегда представлена говорящим в высказывании как заведомо истинное утверждение (с точки зрения говорящего). Она, следовательно, не лишена истинностного значения, однако не допускает альтернативы «быть истинной или ложной». Утверждение, опирающееся на ложную пресуппозицию, типа *Нынешний король Франции мудр*, лишается истинностного значения (см. обсуждение этой проблемы в [7]) потому, что не соответствует второму из указанных выше условий. Для того, чтобы установить, обладает ли субъект названным признаком, необходимо найти в реальном мире того, кто обозначен подлежащим, однако мы заранее знаем (из ложности пресуппозиции), что такого субъекта нет, и, следовательно, проверка истинности всего высказывания в принципе невозможна ⁴.

Отсутствие истинностного значения у вопросительных и побудительных предложений объясняется нарушением первого условия: в них нет утвердительной модальности (в терминах логики они не являются ассерторическими, утверждающими суждениями).

Рассмотрим причины отсутствия истинностного значения у перформативных высказываний на примере глаголов волеизъявления. *Про-*

⁴ Интересно отметить, что Сократ [8] за много веков предвосхитил современную теорию акзистенциальных пресуппозиций, утверждая, что о несуществующем нельзя иметь ни истинного, ни ложного мнения.

сать = «говорить о своем желании получить нечто от адресата речи». Следовательно, *Я прошу* = «Я говорю, что хочу, чтобы...». Первая предикатная часть перформативного высказывания («Я говорю») заведомо истинна (пресуппозитивна): она всегда подтверждается самим фактом звучания речи, и ее истинность сохраняется при отрицании (в предложении *Я не прошу вас об этом* не отрицается факт «Я сейчас нечто говорю»). Вторая часть («Я хочу») не может обладать истинностным значением потому, что она диктальна: подчиняющий эту часть предикат *говорить* означает «высказывать утверждение», т. е. «выражать уверенность в том, что сообщается далее». Таким образом, ни один компонент перформативного высказывания не допускает альтернативы «быть истинным или ложным».

В связи со сказанным следует рассмотреть вопрос о роли скрытой модальной рамки в создании истинностного значения простого предложения. В ряде известных концепций утвердительность эксплицируется выражениями типа *Я констатирую* (или *утверждаю, заявляю*) [9—11]. Представляется, что для экспликации модальной рамки предложения требуется лишь собственно модальный компонент приведенных толкований, компонент же «говорения (произнесения)» избыточен: о том, что имеет место акт речи, мы узнаем из звучания речи, а не из содержания предложения типа *Петр уехал*.

В то же время содержащийся в приведенных толкованиях компонент «уверенность говорящего в сообщаемом» является необходимым и достаточным для экспликации утвердительности: без него предложение не выражало бы утверждения (*утверждать* и значит «выражать уверенность»), т. е. имело бы диктальный статус и потому не обладало бы истинностным значением (и, разумеется, не было бы утвердительным). При этом существенно именно скрытая, не выраженная лексически модальность, т. к. в сложном предложении *Я уверен, что Петр уехал* придаточное диктально и не обладает истинностным значением: сомневаться в истинности этого высказывания значит сомневаться в том, уверен ли говорящий в отъезде Петра, а не в том, уехал ли Петр. Таким образом, для создания истинностного значения важен способ выражения модальности: это значение есть у предиката со скрытой модальной рамкой (утвердительной), тогда как предикат, подчиненный лексически выраженной модальности, лишен истинностного значения вследствие своего диктального статуса.

Отметим, что сама скрытая модальная часть высказывания не имеет истинностного значения, т. к. она, естественно, не входит в утверждение (в ту модальную рамку, которую она же образует). Это относится и к скрытой модальности побудительного и вопросительного предложения. Эксплицируя такую модальность с помощью выражений типа *Я хочу, чтобы...*, следует иметь в виду, что этот предикат не обладает истинностным значением. Тем самым устраняются возражения против подобной экспликации [12], заключающиеся в том, что, представляя вопрос и побуждение в виде повествовательного предложения, мы «навязываем» им отсутствующее у них в действительности истинностное значение.

4. **Модальность и предметная определенность существительного.** Соотнесенность слова с индивидуальным объектом (конкретная референция) возникает при выделенности объекта из класса подобных. Выделить объект значит построить суждение (утверждение) об отличительных признаках одного из элементов класса. Такое утверждение может составлять собственно ассертивную часть высказывания (*У Петра есть машина*) или пресуппозицию (*Машина Петра в ремонте*): в обоих случаях существительное (*машина*) употреблено конкретно-референтно. При отсутствии утвер-

дательной модальности нет условий для возникновения конкретной референтности слова: такова ситуация в предложениях с общеотрицательной модальностью (*У Петра нет никакой машины*) и при диктальном статусе соответствующей части высказывания (*Я не слышал, чтобы у Петра была машина*).

Подчеркнем, что для референтности (в отличие от истинности высказывания) важно не реальное существование объекта, а лишь утверждение об этом (уверенность говорящего в его существовании). Рассмотрим в связи с этим разграничение так называемого «атрибутивного» (= нереферентного) и «референтного» употребления выражений [13]. К атрибутивному отнесено, например, употребление выражения *убийца Смита* в ситуации, где еще не установлено точно, было ли убийство, и убийца неизвестен. Обратим внимание на то, что в предложении типа *Убийца Смита еще не найден* есть пресуппозиция «Некто убил Смита», и, следовательно, существительное обозначает объект, выделенный из класса, т. е. употреблено конкретно-референтно. Если выяснится ложность этой пресуппозиции, то возникнет просто иная ситуация, чем та, которая описана в данном предложении: в нем событие представлено говорящим как несомненный факт (если говорящий не уверен в том, было ли убийство, он сможет использовать лишь выражения типа «тот, кто, как предполагают, убил Смита», но не выражение «убийца Смита»). Для референтности не имеет значения и то, что мы не знаем других признаков субъекта, кроме названных в предложении: в лингвистическом плане выяснение имени убийцы, места жительства и т. п. не изменит референтной отнесенности слова. Однозначно выделить объект можно по любому отличительному признаку, добавление же признаков само становится возможным потому, что пресуппозитивное утверждение *Некто убил Смита* уже выделяло объект вполне однозначно.

Понятие определенности предмета также возникает на базе утверждения. Сделав утверждение о наличии у объекта отличительного признака (*На столе лежит карандаш*), мы в последующем тексте переходим к определенности (*этот карандаш*), повторяя первое утверждение в виде пресуппозиции последующего: *этот* = «тот, о котором ранее было сделано утверждение, что он лежит на столе» [14]. Подчеркнем, что отсылка к предшествующему утверждению входит в определенность не только при указании на субъективный, коммуникативно выделяющий признак объекта («тот, о котором было ранее сделано утверждение»), но и при указании объективно выделяющего признака⁵. Так, выражение *автор «Войны и мира»* означает не просто «человек, написавший „Войну и мир“», а «человек, о котором известно из некоторого предшествующего утверждения, что он написал „Войну и мир“». Таким образом, основным компонентом в значении определенности является пресуппозитивное утверждение «Ранее были названы отличительные признаки объекта», представленное в несентенциальной форме. При этом номинация самого отличительного признака в значении определенного детерминатива не входит.

С модальностью связаны и ограничения на возможность появления определенности в тексте. Общеотрицательное предложение (*На столе нет карандашей*), как и диктальная часть высказывания (*Не вижу, чтобы на столе были какие-нибудь карандаши*), не могут стать пресуппозицией для последующей определенности (**Эти карандаши*).

⁵ См. о различении логического и прагматического подходов к определенности в [15].

В целом можно отметить, что без обращения к проблемам модальности невозможно исследование таких явлений, как истинностное значение высказывания, фактивность—нефактивность предиката, перформативность, референтность, определенность—неопределенность и даже глагольный вид.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kiparsky P., Kiparsky C.* Fact // Progress in linguistics. The Hague; Paris, 1970.
2. *Гуарига Е. А.* Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971.
3. *Падучева Е. В.* Презумпции существования и их роль в описании денотативного аспекта предложения // Проблемы синтаксической семантики: Материалы конференции. М., 1976.
4. *Иорданская Л. Н.* Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970.
5. *Гуревич В. В.* Об элементарных и производных модальностях // Проблемы теории языкознания и теории английского языка. Вып. 2. М., 1976.
6. *Гуревич В. В.* Модальная актуализация смысловых компонентов предложения и слова // ФН. 1985. № 2.
7. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. Гл. III. М., 1976.
8. *Платон. Тезет* // Платон. Соч.: В 3-х т. М., 1970.
9. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 55.
10. *Ross J. R.* On declarative sentences // Readings in English transformational grammar. Waltham (Mass.), 1970.
11. *Wierzbicka A.* Semantic primitives. Frankfurt-am-Main, 1972.
12. *Якобсон Р.* Речевая коммуникация // Якобсон Р. Избр. работы. М., 1985. С. 318.
13. *Доннеллан К. С.* Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982.
14. *Гуревич В. В.* О категории «определенность — неопределенность» // Проблемы языкознания и теории английского языка. Вып. 4. М., 1978.
15. *Шмелев А. Д.* Определенность — неопределенность в названиях лиц в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. С. 4—5.